

Наташа Солей
Nothing
НИЧТО

ПОЧТИ
ДЕТЕКТИВНАЯ
ИСТОРИЯ
ОДНОГО
ЗНАМЕНИТОГО
ХУДОЖНИКА

Наталья Солей

**Nothing: Почти детективная
история одного
знаменитого художника**

«Автор»

Солей Н.

Nothing: Почти детективная история одного знаменитого художника / Н. Солей — «Автор»,

Герой повести – модный и дорогой художник Микис Самсонов, любимец Фортуны, проходит свидетелем (или подозреваемым?) по делу об убийстве своей бывшей любовницы, тоже художницы, Елены Макеевой. В результате следствия настоящий тайфун обрушивается на тихую заводь славы модного художника, открывая завесу над тайной его творчества... Кто же Самсонов на самом деле? Гениальный художник? Великий мистификатор? Убийца? Каждый человек, если, конечно, он не наплеватьски относится к себе и своей жизни, стремится к успеху – в любом начинании, в карьере, в бизнесе, в семье, в любви. Такие люди, как лягушки в банке со сметаной, барахтаются и выплывают наверх, добиваясь заслуженного успеха. Однако пути к нему они выбирают самые разные и цену платит каждый свою. История, которую предлагает автор, не рассказывает о реальных людях и реальных событиях, но характеры и обстоятельства, описываемые в книге, во многом типичны для нынешнего времени.

© Солей Н.

© Автор

Содержание

Мина замедленного действия	5
Отступление на несколько лет назад	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наташа Солей

NOTHING: Почти детективная история одного знаменитого художника

*Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.*
Борис Пастернак

Мина замедленного действия

Звонок долго не мог добраться до спящего сознания Микиса Самсонова. Морозное ноябрьское утро не располагало к раннему пробуждению. Впрочем, время далеко за полдень трудно назвать утром, хотя для звездного небожителя, коим и являлся модный и обласканный славой художник Самсонов, звонок был определенно ранним. С трудом открыв глаза, он ужаснулся, что рядом нет Яны, но, вспомнив, что она уехала на два дня, успокоился и стал соображать, что за звонки: в дверь или по телефону. Наконец понял, что телефон уже давно бы переключился на автоответчик.

– Кого же это принесла нелегкая? – пытаюсь сбросить с себя остатки сна и осмысливая происходящее, стал рассуждать Самсонов. – У секретарши свой ключ, и приходит она к часу дня. Значит, сейчас в доме никого нет, пришел кто-то незнакомый, тот, кто не знает особенностей его распорядка дня.

В дверь не переставали трезвонить. Микис встал и, натываясь на стены, побрел на первый этаж. На мониторе видеонаблюдения он увидел двух совершенно незнакомых мужчин, сообщивших, что они из милиции.

– А милиция-то тут причем? – недоуменно проворчал Самсонов и открыл дверь.

Посетители предъявили документы, подтверждающие, что они являются сотрудниками уголовного розыска УВД Северного округа Москвы. Самсонов автоматически ответил, что ему очень приятно, хотя на самом деле никаких добрых чувств от этого визита не испытывал. Один из посетителей был совсем молодой, видимо, стажер, второй – лет тридцати пяти. Более взрослый господин, у которого в удостоверении было написано, что он старший следователь капитан Власов Анатолий Матвеевич, заглянув в какую-то замызганную бумажку, официальным тоном спросил, действительно ли перед ними хозяин дома, расположенного по Успенскому шоссе. Получив утвердительный ответ, капитан вдруг задал совершенно неожиданный вопрос:

– Знакомы ли вы с Еленой Андреевной Макеевой?

Самсонов не сразу сообразил, кто такая Елена Андреевна и почему он должен помнить, знаком с ней или нет, да еще и сообщать об этом каким-то милиционерам, судя по всему, даже не понимающим, что перед ними стоит известный человек, которого каждая собака в лицо знает и уважает? Ну не собака, конечно, просто все поголовно восхищаются и почитают. Но вдруг, как вспышкой молнии, память осветилась событиями месячной давности, и тотчас вернулись досада и дискомфорт, с ними связанные. Он сдержанно ответил:

– Да, конечно, знаком.

– Когда вы с ней виделись в последний раз? – тут же прозвучал следующий вопрос.

– Не так давно... Недели три, может, месяц назад! А что, собственно говоря, случилось? – почувствовав всё нарастающую тревогу и раздражение, спросил Микис.

– Вот как? А поточнее вы можете назвать число? – продолжал старший следователь (видимо, вопросов он заготовил много).

– Это было.... это было... 20 ноября, – с явным трудом вычислив, нетерпеливо сообщил Самсонов. – Так что, в конце концов, случилось?

– Макеева найдена мертвой в своей квартире. Вчера соседи позвонили в милицию, так как заметили, что дверь приоткрыта. Первоначальная версия – самоубийство, но экспертиза показала, что женщина была застрелена и произошло это днем, между 13 и 14 часами. Выстрела никто не слышал: целый день возле дома велись ремонтные работы и гремел отбойный молоток, свидетелей нет. Возле телефона лежали бумажки с номерами телефонов и вашим адресом. Мы выясняем теперь, с кем и по какому поводу убитая разговаривала незадолго до смерти. Можно пройти?

* * *

Тот вечер, который явственно предстал перед глазами Самсонова при упоминании имени Лены Макеевой, был не такой как обычно. Микис сидел у камина и, не отрываясь, смотрел на огонь. Он физически ощущал, как рыже-красные языки пламени слизывают с него напряжение последних дней и не очень приятные воспоминания. Впрочем, никаких особых проблем в жизни Микиса не было. Так... кое-какие мимолетные неприятные моменты. Это у всех бывает. Он привык жить одним днем и старался брать от него все, не особенно анализируя детали, лишь стремясь к положительному для себя результату. И уходящий день в этом отношении не был исключением. Правда, прежде Микис не имел привычки вот так просто сесть у камина и без забот смотреть на огонь, который завораживает, тянет куда-то... Правда, кроме вяло развораживающейся сентенции о том, что огонь – санитар души и самый лучший психоаналитик, в голове не рождалось никаких дельных мыслей.

На секунду он очнулся. Как-то странно:

в доме никого нет и никаких звонков...

Ах да, он и забыл, что сам же запланировал провести вечер наедине с самим собой и отпустил всю свою дворню – секретаря, водителя, домработницу.

Микис как бы посмотрел на себя со стороны. Да, он ничуть не хуже эдакого холеного героя американского фильма, взявшего от жизни все. Отнюдь! Теперь и у него есть это ВСЕ – слава, деньги, шикарный загородный дом... Вот власти, правда, нет. Действительно, ее, пожалуй, не хватает, задумался было Самсонов. Но потом решил для себя, что никогда к власти особенно и не стремился. Заниматься политикой довольно скучно и хлопотно, а он нашел свою совершенно потрясающую нишу и добился того, о чем мечтал.

Кстати, вчера Микис стал свидетелем реального воплощения своей мечты. То был его звездный час. Все происходило именно так, как когда-то виделось в детских видениях о славе. Он входит в зал для проведения пресс-конференций, а там... истомленные ожиданием журналисты как с цепи сорвались: со всех сторон сверкают вспышки фотокамер, телевизионщики на ходу задают какие-то вопросы – и не о ком-нибудь, не по поводу, а только о нем самом. Именно Самсонов, и только он, был в центре внимания всего этого скопища репортеров, спонсоров, меценатов, множества известных людей, которые пришли к нему. Не могли не прийти. Вчера состоялась презентация его книги «Секреты успеха». Он ведь, как и всякий талантливый человек, талантлив во всем. Талантливый художник, талантливый прозаик. Все таки как же все славно складывается! Главное, он интересен всем, кто бы что ни говорил о его скандальной репутации. И все хотят узнать, в чем же секрет такого немыслимого успеха и популярности? Вот все брошу и начну правду о себе рассказывать. Размечтались! Однако книжечка получилась занятная. Все-таки за границей напечатали. И фотографии все поместили – никуда не делись. Пусть говорят, что чуть ли ни семейный альбом получился. Интересно, у кого же это в

семейном альбоме столько знаменитостей? Как ни крути, а фотографии – это документ, который останется в истории...

Микис свою книгу, честно говоря, не читал. Все же он – человек известный, а известные люди сами книжек не пишут: где взять время занятому человеку? Да и трудоемкое это дело! Поэтому мемуары свои заказывают «неграм» (литературным, разумеется). В конце концов, разве важно, что там внутри написано? Кто сейчас что читает, особенно в светской тусовке? Важно одно: он настолько значителен, что имеет право на собственную книгу, которая будет востребована, поскольку ВСЕ хотят известности и ВСЕ жаждут славы. Однако жить, как живет он, дано далеко не всем, и в книжках об этом не вычитаешь, с этим надо родиться. Правда, наверное, думают, что достаточно прочесть «откровения очередной звезды» – и сразу поймешь, как стать успешным человеком.

Ну-ну... Между прочим, те, кто читал, книгу хвалили, отмечали, что легко написано, в его тональности и так откровенно...

Странно, но почему-то теперь ему действительно захотелось вспомнить свою жизнь. Не отдельными обрывками, с придуманными смешными историями, а действительную, реальную жизнь. Очевидно, это желание возникло на уровне подсознания. Ведь он почему-то никуда не поехал, отказался от очередной тусовки, спровадил секретаршу, несмотря на ее неуместное предложение остаться до утра, даже отключил все телефоны, что так на него непохоже...

Ладно... Похоже... не похоже. Хоть однажды, но надо пообщаться и с самим собой без всяких мистификаций и легенд.

А то сам себя забудешь. Как же все было на самом деле?

Добиться славы и войти в историю Микис мечтал с самого детства, когда был еще просто Мишей (греческое имя, как и легенда о происхождении, появилось значительно позже). Увы, он не обладал никакими особыми талантами: не пел, не играл ни на одном музыкальном инструменте, не танцевал; лепить и рисовать не любил, в школе учился так себе, читал мало, в спорте тоже успехов не предвиделось. Впрочем, нельзя сказать, что у него способностей не было вообще. Наверное были... Однако заниматься чем-то всерьез и надолго не хотелось, не хватало терпения доводить что-либо до конца. Он не отличался любознательностью, не был натурой увлекающейся – короче: обычная посредственность в семье троечников по жизни. Но при этом видел себя стоящим на высоком постаменте, а вокруг людское море, волнующееся от каждого его жеста. Вся эта живая масса неистово чествует его за что-то очень выдающееся. Прямо-таки хроникальные кадры встречи Валерия Чкалова в Америке после перелета через Северный полюс. Хотя совершать подобные акции с риском для жизни юный Самсонов не собирался. Он хотел многого, все сразу и сейчас, даже не тратя времени на мечту о профессии.

Да, в детстве маленький Миша вундеркиндом не был и никаких предпосылок к возможной славе не имел. Родители жили бедно, правда, отца этот факт особенно не удручал. Он работал грузчиком на заводе, считая, что этим вполне оправдывает свое предназначение хозяина дома, и строгал детей одного за другим. Семья обитала в одной комнате огромного барака, и процесс демографического роста дети имели возможность наблюдать непрерывно, благодаря чему Микис с малолетства усвоил, что основным занятием мужчины и является постоянное удовлетворение мужской физиологической потребности. К этому знанию папа подарил еще и хорошую наследственность. Так что один талант от родителя ему достался. Правда, для выбора жизненного пути его поначалу было маловато.

Юный Михаил даже не представлял себе, какой путь избрать в жизни, кем он хочет быть, куда идти учиться. Единственное осознанное желание – уехать куда-нибудь подальше от дома. Собственно, и домом это назвать было нельзя. Скорее, нечто, напоминающее общежитие, где каждый живет своей жизнью, никто ни с кем не общается. Учеба и занятия детей абсолютно не интересовали родителей. Мама была замучена тяжелой и неблагодарной работой санитарки в больнице и кучей детей, а их надо было каждый день кормить. У отца свои заботы: очень

он женщин любил. В бараке, где жила семья Самсоновых, было много незамужних, и отец «окучивал» всех, да еще как-то умудрялся строить отношения так, что ни у одной к Самсонову-старшему не было никаких претензий. Все «дамы» дружили между собой и наперебой обихаживали его.

Такая жизнь казалась мерзкой и бессмысленной. Из нее мечталось убежать со всех ног, и рецепт, как это сделать, казалось, был очень верный. Давался он во всех советских фильмах о будущих знаменитостях. Все начиналось с того, что она (будущая знаменитость) садилась на поезд и... Потом в нарезе проскальзывало, что надо много-много работать (минут пять экранного времени), а потом герой просыпался знаменитым, и все ему аплодировали, заискивали перед ним, везде узнавали... Вот ведь жизнь! И легче всего прорваться в нее можно, став артистом.

У Миши был одноклассник, который всегда мечтал об актерской карьере. Паша четко знал, что для этого надо делать: готовил программу для поступления, читал, ходил в городской драмтеатр, смотрел подряд все фильмы, буквально был помешан на своей затее. Правда, красавцем Павел определенно не был и потому решил не рисковать: не поступать в Москве, а поехать куда-нибудь, где конкурс поменьше. Он уже давно выбрал город Ярославль. Там появился первый в России драматический театр, находилось старейшее училище, кроме того, и от Москвы недалеко и дома.

Так что сразу, освободившись от школы, новоиспеченные приятели сели на поезд и отправились в дорогу, каждый за своей мечтой. Первой остановкой на пути к заветной цели должен был стать Ярославль. Ехать предстояло всего одну ночь, и Михаил все это время лихорадочно учил басню про ворону и лисицу, стихотворение Эдуарда Асадова и небольшой отрывок из «Бежина луга» Тургенева. Программа, составленная по Пашкиным рекомендациям, выкристаллизовалась из опыта многих поколений абитуриентов театральных вузов.

Прямо с вокзала приехали в училище. Потолкались среди поступающих, узнали, что конкурс 12 человек на место, что мальчиков намного меньше, чем девочек (уже хорошо!), наслушались всяких страстей про то, что вывод могут сделать сразу же после первого произведения и всю программу прочитать не дадут, но вроде надо еще и спеть что-то. Пашку ничего не потрясло, он был готов ко всему, не обращал внимания на взволнованные причитания абитуриентов и молчаливо ожидал своей очереди. Павел вошел первым, потом вызвали и Михаила.

За столом сидели слегка подуставшие от наплыва желающих три члена приемной комиссии. Миша доложил им все, что успел выучить в поезде, отклонил предложение спеть и был свободен.

На улице у входа в училище нашел Пашку, который безуспешно пытался успокоить какую-то рыдающую девчонку. Она твердила не переставая, что не пройдет, ни за что не пройдет на второй тур, потом приводила еще какие-то аргументы, но они тонули в ее громких всхлипываниях и слезах. Когда подошел Михаил, она немного поутихла, стала вытирать слезы и пыталась сделать вид, что дела не так уж плохи. Пашка явно обрадовался такой перемене, стал говорить, что вот дождемся списков, а уж потом будем делать выводы. На что девчонка, которую звали Аней, сказала: «Ну вам-то переживать нечего. „Штаны“ в театре всегда нужны. Мальчишек берут, если есть хоть какие-нибудь внешние данные, а здесь таких не так уж и много».

Вот тут настроение испортилось у Пашки. Внешность и рост у него – ниже среднего.

Миша в юности тоже особенно не выделялся из толпы – весьма заурядный парень с отголосками татаро-монгольского нашествия на круглом лице, обычно не выражавшем никаких эмоций и не менявшем выражения. Однако именно эта невыразительность в конце концов придавала ему спокойный и весьма уверенный вид, что в конечном итоге производило на девушек должное впечатление. К тому же он был хорошо сложен и достаточно высок. Словом, на роли «штанов» с выносом подносов на сцену Михаил вполне мог претендовать. Заманчивая

перспектива – ничего не скажешь. Значит, ради такого «светлого будущего» надо трястись от страха, опять всю ночь учить дурацкие басни, стихи и прозу и так до самого конкурса?! А дальше что? Предположим, актер из него получится, и даже знаменитый, но тогда всю жизнь придется учить роли, а читать, и тем более что-то учить, Миша терпеть никогда не мог. Короче, с какой стороны ни подойди, актерство – определенно не его стезя.

Посему, обнаружив себя в списках абитуриентов, прошедших на второй тур, никакого чувства радости Самсонов не испытал. Это ремесло явно не по нему, надо придумывать что-то другое. Правда, польстил самолюбию сам факт прохождения на второй тур. О сомнениях его никто не знал, а внешне выглядело все очень эффектно – его хотят, а он отказывается. Тем более Пашка, который столько к этому шел, готовился, реализовать свою мечту не смог: провалился уже на первом туре. Это позволило Михаилу занять как бы более привилегированную нишу и свидетельствовало, пусть в очень малой степени, о кое-каких зачатках его исключительности.

Самсонов находился где-то очень далеко, углубившись в воспоминания своей юности. Самым неожиданным образом их оборвал звонок. Как это частенько бывало, он сразу не смог сообразить, что звонят в дверь. Микис никого не ждал, приходили к нему редко, исключительно по предварительной договоренности, или хотя бы позвонив за час до прихода. Этот неожиданный визит разбудил в нем тревогу, осевшую глубоко внутри и вдруг вновь всколыхнувшуюся. Как-то беспокойно было на душе.

На экране видеонаблюдения Самсонов увидел женщину. Что-то очень знакомое и совершенно неузнаваемое одновременно. Определенно она никогда к нему не приходила. Во всяком случае в этом доме не бывала. Непонятно, почему не спросив, кто это, он сразу нажал кнопку, и женщина, открыв дверь, вошла в дом. Микис заспешил навстречу. Глаза их встретились, и он сразу узнал Елену. Она заметно оживилась и даже обрадовалась тому, что ее так быстро узнали, хотя сделать это было непросто. Не виделись они давно, лет десять. Правда, года два назад он заезжал к ней домой, но то была мимолетная встреча, и на своем жизненном пространстве Елена чувствовала себя значительно увереннее, чем сейчас. После того визита у Микиса остался отвратительный осадок, вселивший смутную тревогу. Она была не одна, а с каким-то парнем значительно моложе ее, оба пьяные. Возможно, чтобы придать себе большей значительности в глазах своего молодого партнера, к тому же настроенная очень агрессивно, Елена буквально вытолкала Самсонова за дверь.

А здесь, в этом шикарном доме, со всеми мыслимыми и немыслимыми формальными признаками успеха его владельца, она, неухоженная, дешево одетая, постаревшая больше, чем это было возможно в соответствии с прожитыми годами, почувствовала себя убогой и совершенно несчастной.

Захотелось плакать, но натренированная доброжелательность хозяина дома позволила ей справиться со своими эмоциями и поздороваться голосом, в котором не было ни дрожи, ни обиды, ни... ничего, что минуту назад буквально втолкнуло женщину в эту дверь.

Елена и сама не могла объяснить, почему именно сейчас, спустя много лет, захотелось высказаться, наговорить тысячу обидных слов, глядя в глаза человеку, сыгравшему в ее жизни роль настолько непростую, что и сформулировать-то толком нельзя. Роковую? Но в полной мере даже это страшное слово не дает точного определения тому, что с ней произошло, как выстроилась ее жизнь...

– Ну что ж мы стоим? – нарушил Микис затянувшуюся паузу. – Проходи, давай помогу снять пальто. Я рад, честное слово, рад тебя видеть. Молодец, что зашла. Откуда узнала, где я живу? Как нашла мой дом? Ты на машине?

– Нет. Сюда автобусы ходят, – сдержанно сообщила Лена, краем глаза рассматривая себя в зеркальные двери шкафа. Отметила мелькнувшее на его лице удивление, когда он снял с нее пальто. Для ноября одежда была не по сезону легкой.

Про себя Микис удивленно размышлял, откуда Лена могла узнать адрес.

– Автобусы сюда действительно ходят, хоть остановка довольно далеко от поселка. «Но как она вообще узнала, куда ехать?» – напряженно думал про себя Самсонов, изображая при этом радушного хозяина. Проводил гостью в дом и предложил ей расположиться поудобнее в кресле возле камина.

– Ты, наверное, голодная? Супчика хочешь? – заботливо спросил он вслух.

– Твой вечный «змеиный супчик»! Его по-прежнему готовит твоя экономка-испанка? – спросила Лена как бы невзначай. Она быстро прошла к креслу, но присела на самый край, держа на коленях небольшую негнущуюся сумку из искусственной кожи. – Нет, супчик твой я не хочу, а если предложишь выпить, не откажусь.

Вопрос об экономке Самсонова успокоил. Он почувствовал себя в родной стихии. Все понятно: оскорбленное женское самолюбие, запоздалая ревность, неудавшаяся женская судьба. Сколько раз ему приходилось выслушивать все это. Анжела, та самая экономка-испанка, которую припомнила Лена, была одной из женщин, сопровождавших Микиса по жизни. Постепенно она очень плотно вошла в его быт, занималась финансовыми вопросами. За долгие годы изучив его гастрономические пристрастия, стряпала то, что художник любил. Другие женщины менялись, а Анжела все прощала, всегда понимала его, оберегала от бытовых сложностей и незаметно сделалась абсолютно необходимой. Именно она способствовала тому, что отношения Лены и Михаила постепенно сошли на «нет».. Хотя, конечно, не только она одна, тот случай был намного сложнее.

Самсонов открыл бар-глобус, продемонстрировав довольно широкий выбор напитков. Елена проигнорировала вина и попросила налить коньяка. Пока Микис открывал коробку шоколадных конфет и печенье, ставил фрукты поближе к госте, разливал коньяк, она с интересом рассматривала его апартаменты.

На стенах висели картины Микиса, написанные в самой различной манере.

В центре огромной гостиной стоял полукруглый диван, обтянутый белой кожей, между ним и двумя креслами у камина расположился низкий стеклянный столик, справа белый рояль, непонятно зачем красовавшийся здесь, поскольку в доме никто не умел на нем играть. Слева от камина, под лестницей, ведущей на второй этаж, стоял большой длинный стол, за которым можно было усадить человек двадцать. Повсюду глаз натывался на многочисленные вазы и корзины с цветами, но при всем этом оставалось достаточно места для того, чтобы, скажем, пара или тройка ребятшек смело могли бы кататься на велосипеде.

– Ну рассказывай, как живешь? Чем занимаешься? Если у тебя какие-то трудности, я готов помочь. Если нужны деньги, не стесняйся, скажи, сколько надо, – Самсонов решил сразу поставить все точки над *i*, сократив тем самым предполагаемую долгую и нудную преамбулу, и протянул Лене бокал с коньяком. Раз уж пришла, значит, что-то нужно и, скорее всего, деньги.

Елена как-то странно посмотрела на него и ухмыльнулась. Она чувствовала скованность и не знала, что делать с руками:

и ридикюль надо было держать и коньяк взять. Наконец, сообразив, положила сумку на кресло. Освободив руки, взяла бокал и, жадно прильнув к нему, опустошила почти полностью.

– Ты не обижайся, я от души предлагаю. Мы друзья, а друзья для того и нужны, чтобы приходить на помощь и делать это с радостью, – стал оправдываться Самсонов.

– Не бойся. Я не буду рассказывать о состоянии своих дел и денег у тебя просить не собираюсь, – спокойно сказала Лена. Тепло от выпитого коньяка мгновенно растеклось по всему телу, и она немного расслабилась.

– Вот как? Очень рад, что у тебя нет трудностей. Поверь, искренне рад.

– А с каких это пор мы с тобой стали друзьями? – продолжала незваная гостья каким-то новым тоном, в котором появилась решимость и даже твердость. – Что-то не припомню этого момента.

– Ну о чем ты говоришь? Мы с тобой так давно знакомы, и у нас была своя история, которую до сих пор вспоминаю с большой теплотой...

– Еще бы. Нас ведь не только постель связывала, – жестко оборвала Лена тираду Микиса.

– Ты пришла сейчас предъявить претензии, что я не женился на тебе десять лет назад?

– Да прекрати, – устало сказала Лена. – Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

– О чем же это? Нет, ничего не понимаю.

– Ну надо же, святая простота. Я говорю о нашей совместной работе, – сказала Лена, допивая коньяк.

– Ты шутишь? – несколько неестественно засмеялся Микис, берясь за бутылку. – Освежим?

– Ты же знаешь, что у меня плохо с чувством юмора, – ответила Лена, одобрительно кивнув, наблюдая, как Микис заново наполнял ее бокал. – Я вот не пожалела денег, купила твою книжку. Очень интересно. Столько нового узнала о тебе, да и о себе немало интересного прочитала.

– А что ты хотела? Чтобы я устроил душевный стриптиз и рассказал все, как есть? – довольно зло оборвал ее Микис.

– Я не такая идиотка, как тебе бы этого хотелось, и прекрасно понимаю, что правду о себе не рассказывает никто. Она слишком страшная... эта правда.

– Может не столько страшная, сколько неожиданная.

– О, как мы теперь изысканно изъясняемся. Раньше ты был попроще.

– То было раньше. Тогда вообще все было иначе. – Микис пить не хотел, но ситуация, несмотря на внешнее спокойствие, ему не нравилась, тревожила, поэтому он решил налить что-нибудь и себе. Самсонов встал, подошел к бару, долго что-то выбирал, потом открывал, потом наливал. Ему необходимо было что-то делать, быть в движении, предававшем беседе телеграфный стиль, который не давал возможности углубиться в дебри намеченной темы и сбивал собеседника с толку. Это был его излюбленный прием.

– Да и жил ты намного скромнее. Однокомнатная квартирка, правда, в центре, но... Действительно, все было иначе. И было время великих иллюзий. Для меня во всяком случае, – последнюю фразу Лена нарочито выделила. Отставила бокал, показав, что официальная часть аудиенции окончена и сейчас начнется главный номер намеченной программы.

– И ты пришла мне об этом сообщить? Кажется, я начинаю понимать... Это шантаж?

– Зачем так грубо? Почему сразу шантаж? Мы что не можем договориться как нормальные люди? – примирительным тоном спокойно сказала Елена.

– О чем? О чем, Лена? Ты меня с ума сведешь. Думаешь, я сейчас в обморок упаду от страха? Ты хочешь меня скомпрометировать и рассказать «страшную» правду обо мне? То, что ты мне всегда старалась сказать при посторонних? Что я не сам пишу картины, что я использовал твой талант, что продавал твои работы? Да рассказывай! Ну дашь ты интервью какой-нибудь газете. А дальше что? Да кто тебе поверит? Кто ты такая? Да! Пусть я такой монстр! Допустим, не сам пишу картины. Да в газетах сто раз вокруг этого разводили возню – и что???

А ничего!!! Лишний скандал вокруг моего имени только на руку. Дополнительный пиар. Всё, поезд ушел! Я уже НЕ-ДО-СЯ-ГАЕМ. Меня каждая шавка в лицо знает. Машина запущена давно, и уже никого не интересует, как я работаю и что делаю. Я узнаваем!

Я известен! А в такой ситуации – собака лает, караван идет. Ты хочешь получить деньги за свои картины? Вспомнила! Пойми наконец: я никогда никому ничего не плачу. Только всем

помогаю. Могу и тебе помочь: выступить с благотворительной акцией и денег дать, но дать столько, сколько сам захочу. А платить мне тебе не за что.

– Не за что?! Сам уже поверил в тот миф, что рассказываешь обо мне. Этакая недалекая, взбалмошная парикмахерша с признаками дегенератизма... Впрочем, в это действительно можно поверить, поскольку я имела редкую глупость – жить с тобой. В отличие от тебя я – профессиональная художница, училась в Строгановском училище и окончила его с красным дипломом. А вот ты вылетел с дизайнерского факультета и не доучился в своем институте по самой банальной причине: был профнепригоден.

– Ну и что? Зато сейчас я – известный художник, а тебя не знает никто!

– Да как ты им стал! Известным! Сколько разбитых судеб и разочарований стоит за твоей известностью?

– Ой, только не надо высокопарных слов! Я пробивался сам и пробился! Победителей не судят!

– Неужели? А вот я, представь себе, пришла судить победителя!

– Сколько пафоса, а история-то выведенного яйца не стоит. В тебе говорит обида одинокой, покинутой женщины.

– Да-а, у тебя всегда была своя шкала ценностей. Что касается обиды, то здесь ты, наверное, прав. Обида есть, но только не покинутой женщины. Если помнишь, то я сама от тебя ушла...

– А сегодня пришла меня позлить? Могу обрадовать: у тебя это получилось.

– Нет, дорогой, я пришла, чтобы добиться... Не знаю, правда, как. У меня это никогда не получалось – вырвать у тебя то, что заслуживаю. Ты всегда как-то умудрялся облапошить, выставить меня идиоткой. Наши шумные скандалы всем, кто нас знал, ты объяснял моей неадекватной реакцией, взбалмошностью, дикой ревностью. Твои друзья воспринимали меня как психопатку и примитивщину, идеально подходящую тебе только в постели. Чудные взаимоотношения двух кроликов, не более того. А что еще тебе со мной делать? Тебе, талантливейшему художнику, даже поговорить со мной не о чем было... Короче, я хочу, чтобы ты публично признал меня, рассказал обо мне всю правду. Хочу, чтобы под моими картинами стояло мое имя, или верни мне деньги, которые ты за них получил.

– Совсем с ума сошла? Впрочем, чему удивляться? Ты никогда с головой не дружила. Была классической истеричкой, а сейчас еще подорвала свою психику пьянством.

– Может быть, и подорвала. Я слабая женщина, но в отличие от тебя – художница, а не барыга. У меня тонкая нервная организация. Сломать меня не стоило труда, вот ты и сломал. Стал преградой на моем пути к цели, присвоил мой талант, ограбил, выхолостил меня. Но я не настолько слаба, чтобы вот так просто раствориться в тебе, исчезнуть как в черной дыре. Моя жизнь бессмысленна, она не состоялась. Однако я больше не могу позволить себе доживать ее тихо.

Я уйду со скандалом и заберу с собой тебя.

– Не понял, куда ты меня собралась забирать?

– Как куда? На тот свет!

– Ты точно сумасшедшая!

– Так ты же сам всем и везде это рассказывал. Надо быть последовательным.

– Так! Давай поговорим спокойно.

– Да я-то абсолютно спокойна. Просто жить хочу, если не в такой роскоши, как ты, но достойно, соответственно моему таланту.

– Ладно, понимаю. Это шантаж. Ты талантлива, я бездарен. Отлично. Сколько ты хочешь?

– Я тебе сказала, что твои подачки мне не нужны.

– Но ты хочешь невозможного. Все твои поезда ушли. Да и вообще, если каждый, с кем мне приходилось работать, будет требовать общественного признания и тех денег, за которые продаю работы исключительно благодаря своему имени, я просто разорюсь. Ты знаешь, сколько денег приходится тратить на раскрутку? Эти баннеры на улицах, постоянное мелькание на телевидении, все эти журнальные интервью? Ты знаешь, ско-о-о-лько это стоит?!

– Да прекрати. Ты всегда устраиваешься на халяву и никогда никому не платишь. Спишь подряд со всеми журналистками, используя их по полной программе. Расплачиваешься натурой сразу, не отходя от кассы. Благодаря этому постоянно поддерживаешь отличную физическую форму – никакого фитнеса не надо. К тому же они еще и счастливы. С мужиками, правда, сложнее. Я помню, как обиделся Нодар Одинашвили, который протолкнул тебя в одну из программ, а ты ничего за это не заплатил.

– Денег я никогда не даю, но всегда дарю альбомы, календари, отдаю все, что мне дарят. Всем и всегда делаю подарки. Постоянно. А мне это не бесплатно достается. Сами по себе работы стоят столько, за сколько я их покупаю. Мои клиенты платят за МОЕ, пусть скандально, но известное имя. Можешь ты это усвоить наконец?

– Не могу. И не хочу. Лучше убью тебя, только так можно вскрыть этот нарыв, обнаружить этот беспредел. Начнется расследование. Вот тут-то все и всплывет наружу. Все узнают, что ты никакой не художник, а банальный мифоман.

– Ты идиотка! Ничего не всплывет. Это никому не нужно. Таких, как я, сотни. Только свою жизнь сломаешь. Тебя посадят – и это все, чего ты добьешься.

– Не посадят. Мне уже давно не хочется жить, противно стало, особенно после общения с тобой. Я и себя убью. Хоть что-то правильное сделаю в жизни. Мы жили недолго и совсем не счастливо, но умрем в один день, – сказала Лена и неожиданно вытащила из сумки, которую она так и держала возле себя, пистолет.

Дело приняло неожиданный и нешуточный оборот. Пистолет ходил ходуном в руках Лены, эмоции захлестывали ее, и было видно, что она уже сама не понимает, что делает. На ее лице отчаяние сменялось то решимостью, то страхом.

– Ну что ты тут устраиваешь «три тысячи лет армянскому театру»? – как бы не замечая всей драматичности ситуации, попытался отшутиться Микис. – Хочешь напугать меня газовым пистолетом? Скажу честно, испугался и вообще боюсь тебя.

Его последние слова утонули в грохоте разлетевшихся часов, стоявших на каминной доске, недалеко от кресла Микиса.

Пистолет оказался самым что ни на есть настоящим, и Лена это очень убедительно продемонстрировала. Правда, стрелять по-настоящему она не собиралась. Только хотела нащупать пальцем курок, но руки дрожали и совершенно не слушались. Грохот выстрела и разлетевшихся на камине часов, в которые она случайно попала, совершенно оглушил ее. Лена испугалась, пистолет выпал из рук, она вдруг вся как-то обвалилась. Напряжение всего вечера – подготовка к визиту, дорога, приход в этот дом, встреча с Микисом – дало о себе знать и вырвалось рыданиями наружу.

«Ну все! Это клиника. Сначала шантажировала, потом чуть не прикончила, теперь устроила истерику», – устало подумал Микис, не в силах пошевелиться и не зная, что ему теперь делать. Он верил, что высшие или, скорее, низшие силы никогда не оставят его в безвыходной ситуации. Всегда случалось, пусть маленькое, но чудо, и любая, даже самая экстремальная проблема переходила в новое качество.

Когда в дверь позвонили, и чудо, столь долгожданное и неотвратимое, произошло, Микис удовлетворенно вздохнул: «Свершилось! Все не так безнадежно!» Видно, удача не собирается от него отворачиваться, и кто-то пришел к нему на помощь. Никогда в жизни Самсонов не слышал более уместного и долгожданного звонка. Кто бы это ни был, но он мгновенно перекинул инициативу в руки Микиса. Однако, поняв это, любимчик Фортуны не бросился за ста-

каном воды для рыдающей женщине. Лишь пробурчал в ее сторону, чтобы она постаралась успокоиться, и пошел открывать дверь.

Впрочем, звонок моментально отрезвил Елену. Рыдания прекратились. Собственно, это была не истерика, а пьяные слезы. Пьянела она мгновенно, поскольку выпивать стала давно и каждый день. Достаточно было только понюхать спиртное, как в нее словно вселялся другой человек. В студенческие годы она где-то прочла, что такое состояние называется маниакально-депрессивным. Видимо именно это с ней и произошло. Агрессия улетучилась. Решимость покинула ее. Наступила абсолютная апатия. Женщина так готовилась к этой встрече, репетировала каждое слово, представляла, как Микис испугается, если она всем расскажет, что он никакой не художник, а просто удачливый мистификатор. Елена ждала грандиозного результата от этого разговора, который, возможно, во многом изменил бы ее жизнь. Она получила бы достаточно солидную сумму денег за свое молчание, вернулась бы в профессию, привела бы себя в порядок. О как много было планов. Но в какой-то момент все почему-то пошло не так, зачем-то она стала стрелять из пистолета, который, «одолжив» у своего любовника милиционера, взяла просто так, на всякий случай, поугаждать для пущего эффекта. Специально напоила милиционера и, пока тот спал, решила осуществить свой давно вынашиваемый план. Теперь, придя в себя, Елена жутко жалела, что потеряла столько времени на дурацкие разговоры и пикировку. Почему сразу не призналась, что пришла за деньгами? А теперь при посторонних у нее уже не получится вырвать у этого самодовольного хвастуна то, за чем сюда явилась.

С чувством сапера, обезвредившего мину, Микис подошел к монитору и увидел Анжелу.

«Мама, дорогая, да что же еще случилось?! Ей-то что нужно?»— мгновенно забыв о недавнем экстриме, недовольно пробурчал он. Этот еще один неожиданный приход тоже не сулил ничего хорошего. Опять решила уйти от мужа, опять будет выяснение отношений и обязательно целый ворох неприятных новостей. А тут Елена. Да-а, ничего не скажешь, организовал тихий вечерок наедине с самим собой.

— Открываю, — сказал он в микрофон и с улыбкой повернулся к двери.

Анжела не вошла, а буквально впала в дверь, еле сдерживая накопившиеся за сутки эмоции. Микис вспомнил, что на презентации она не проронила ни слова, мрачно сидела за столом, обидевшись, что он не сел рядом с ней, а общался с Мариной, которая Анжелу всегда безумно раздражала.

— Почему у тебя все телефоны отключены? — с порога завелась Анжела, протараторив это в таком темпоритме, как будто они уже часа два выясняют отношения на повышенных тонах и она на секунду вышла в другую комнату, а вернувшись, продолжает давно начавшийся разговор.

— Я обзвонилась, везде сплошные автоответчики. Нашел время уединиться. Ты решил меня еще больше разозлить? Мало того, что вчера я, как последняя дура, сидела одна и наблюдала твои душещипательные объяснения то с Мариной, то еще с какими-то тетками. Ирка-секретарша позиционировала себя хозяйкой вечера, «королева бала», мама дорогая! С ума сойти можно!

И вообще, ты точно ненормальный! Зачем тебе все это надо было, никому не понятно. Что ты там нес про Пушкина? Написал и написал книгу. Достаточно! Нет, тебя понесло рассказывать пикантные подробности, почерпнутые из общения с твоими муниципальными подружками. Впарил-таки журналистам свою любимую байку про баню, в которую надо идти с Пушкиным, хоть из гроба поднимись. Отличный вклад в его предвыборную кампанию...

В какой-то момент Анжела поняла, что монолог явно затянулся, а она пришла сюда вовсе не для того, чтобы произносить пламенные речи. Надо обсудить целый ворох проблем. Микис

же, безуспешно пытавшийся найти секундную паузу в тираде Анжелы, наконец воспользовался легким замешательством и приветствовал ее:

– Здравствуй, Анжела! Вот мы тут... с Леной... рады видеть тебя! Ты ведь помнишь Лену? – сказал он подчеркнуто радушным тоном, в душе злорадствуя, что Анжеле видеть Лену еще неприятнее, чем ему самому.

Дама, влетевшая, как разъяренная фурия, пробежав глазами по комнате, вдруг наткнулась взглядом на Лену. Мгновенно оценив ситуацию, моментально примерив несколько масок и выбрав для себя образ добросердечной хозяйки, мило запричитала:

– Леночка! Рада вас видеть. Вы нас совсем забыли, что непростительно некогда близким друзьям!

– А я и не знал, что вы были дружны, – не без ехидства заметил Микис.

Анжела, не обратив внимания на выпад Микиса, стала изучающее разглядывать Елену, словно ей представилась возможность подробно рассмотреть некое ископаемое. Зрелище, надо сказать, было достаточно жалким. Неуклюже уютящаяся в шикарном кресле, неухоженная, перепуганная и вконец захмелевшая, бывшая соперница могла вызвать только чувство сострадания. Анжела возвышалась над ней символом благосостояния, женщины, умеющей построить свою жизнь, умудряющейся извлечь выгоду из любой жизненной ситуации. Главным достоинством Анжелы был огромный бюст совершенно неестественных размеров, за что к ней навсегда приклеилось прозвище «говорящая грудь». Умри, точнее не скажешь! Невысокая, достаточно изящная фигурка Анжелы казалась позаимствованной у другой женщины: видимо, при раздache частей тела произошла какая-то путаница. Обладательницу всех этих прелестей несоответствие ничуть не смущало. Она всегда носила обтягивающие кофточки, всячески привлекая к себе внимание представителей противоположного пола. Именно благодаря своим достопримечательностям лет десять назад Анжела и познакомилась с Микисом, который, потрясенный столь необыкновенными формами, зачарованно пошел за ней аж в женский туалет (причем понял это только на выходе из помещения, где произошло знакомство и обмен номерами телефонов). Справедливости ради, следует заметить, что туалет этот находился в месте более чем приличном. Если не вдаваться в подробности, то можно сказать, что Микис познакомился со своей подругой в консерватории, куда заглянул ради встречи с потенциальным клиентом, оказавшимся большим ценителем симфонической музыки. Анжела же и в самом деле была почетательницей классики и завсегдатаем Большого концертного зала.

Во время последующих встреч о музыке они не говорили (понятное дело!) и, вообще, разговаривали мало. Постепенно страстные свидания сменились крепким деловым партнерством. Однако в каком бы направлении ни развивались их отношения, Анжела всегда умудрялась быть первой, единственной и незаменимой в каждом своем новом качестве. Мало-помалу она стала вести все финансовые дела Самсонова и, конечно, была посвящена во все тайны «творческого процесса» модного художника.

Практичная Анжела сразу правильно оценила ситуацию. Она даже почти не удивилась, увидев разбитые каминные часы и валяющийся на полу пистолет. Значит, грохот, который она слышала, подойдя к двери, все-таки был выстрелом. Ну что ж! Это чувство ей хорошо знакомо. Она и сама много раз испытывала непреодолимое желание пристрелить Самсонова, но под рукой никогда не оказывалось ничего огнестрельного. А Лена молодец, запасливая оказалась. Анжела прекрасно понимала состояние неудачливой художницы, мотивы ее поведения и догадалась, что спровоцировало ее появление в этом доме. В недавно изданной книге Самсонова «женские» истории были здорово смикшированы, насколько это вообще было возможно. По сравнению с реальным образом в книге ее герой представлен просто бесполым евнухом. Правда, поначалу Микис хотел рассказать обо всех и все, как было. Однако та самая, не любимая Анжелой Марина и сдружившаяся с ней журналистка Саша, писавшая книгу, все-таки убедили его, что настоящих романтических историй у него не было, а физиологические пересече-

ния изо дня в день с разными дамами описать, конечно, можно, с условием, что опубликовано это будет лет через двести. Пока же все живы, такая информация славы ему не добавит, а то негативное, что витает в обществе, перейдет в убеждение. Однако он настоял, чтобы некоторые истории были упомянуты, но, конечно, в его интерпретации. Так талантливая художница Лена стала глупенькой парикмахершей.

«Нельзя ее оставлять здесь, – подумала Анжела. – Надо отвезти девушку домой. Сама она не доберется, да и поздно уже». Вслух же спросила:

– Лена, мне кажется, вы себя неважно чувствуете. Наверное, серьезный разговор у вас сегодня уже не получится. Может, перенесем его на завтра?

Небольшой тайм-аут был необходим и по причине, связанной с поздним визитом Анжелы в особняк на Успенском шоссе. Сегодня вечером ей позвонил самсоновский «негр», карикатурист Викентий, возмущенный тем, что в книге, для которой Микис заказывал у него рисунки, не упомянуто его имя. Опять получилось, что рисунки принадлежат Самсонову. Роковая книга какая-то! Сколько интервью направо и налево он раздал, а вот этот небольшой кирпичик, вышедший пятитысячным тиражом, всколыхнул такие страсти. Неужели из-за этого камня прорвется железобетонная стена огромной плотины, возведенной более десяти лет назад и казавшейся не просто надежной, а незыблемой?

Лена устало посмотрела сначала на Анжелу, затем на Микиса и смогла выдавить из себя только жалобное:

– Я хочу домой...

– Отвезешь ее? – спросил художник Анжелу.

– Ну уж нет. Поехали вместе. Во-первых, я не знаю, где Лена живет, а во-вторых, возможно, ее придется на себе тащить. Посмотри, она же почти в полуобморочном состоянии. К тому же мне надо с тобой поговорить. Надо решать, что делать с Викентием, – говорила Анжела, помогая при этом Лене подняться с кресла. Та как-то вяло и безуспешно попыталась отреагировать на имя Викентия, но сил не хватило, она совсем сникла, но все же смогла встать на ноги и нетвердой походкой подойти к шкафу, чтобы надеть свое пальто.

Осмотревшись вокруг, Анжела увидела на полу пистолет. Подняла его, сунула в сумку, оставленную Леной на кресле. Убедившись, что ничего не забыто, подошла к Самсонову.

– Ему-то что опять надо? – риторически спросил Микис, помогая гостье надеть пальто, после чего Лена попросила открыть дверь, чтобы немного отдышаться на свежем воздухе. Микис по своему обыкновению сразу из дома выйти не мог, всегда что-нибудь искал – ключи, мобильный, бумажник.

– Все то же. Зря ты с ним вообще связался, – нетерпеливо ожидая окончания всех сборов, резюмировала Анжела.

– Знаешь, на Викентия у меня сейчас уже здоровья не хватит. Давай об этом завтра. А на сегодня мне и одного непризнанного таланта уже по ноздри.

– Какие мы впечатлительные! Ну смотри... Дело вообще-то срочное. Ты денег-то ей дал? Хоть сколько-нибудь?

– Да ты знаешь, ЧТО она требовала? Ничего не дам, а то начнешь, а потом не отобьешься, – решительно отрезал Микис.

– Ну и зря. Ты всегда забываешь, что скупой платит дважды. Когда-нибудь именно на этом ты и сгоришь! Надо дать хоть немного, и человек уже морально связан. Интеллигентные люди, они ведь совестливые. У них куча комплексов – вины, благодарности. Впрочем, тебе это долго объяснять.

– Ладно. Могу дать двести долларов. Больше просто нет, – недовольно пробурчал Самсонов, достав две купюры из внутреннего кармана куртки, которую только что надел. – Сейчас-то зачем это надо? Она даже расписку не сможет написать.

– Ну ты и жмот. Давай сюда. Сегодня двести, а завтра отвезешь ей тысячу, выслушаешь все претензии – пусть выговорится. Возьмешь расписку, что деньги получила, и дело будет закрыто.

Увидев, что Лена уже открывает входную дверь, Анжела, ловко выхватив из его рук зеленые бумажки, направилась вслед.

– Мы потихоньку пойдем по аллее, проветримся. Догоняй, – бодро бросила она на ходу и выскочила за дверь.

Выпроводив дам, Микис живо спустился в гараж, расположенный в подвальном помещении дома, завел машину и в считанные минуты был на аллее. Хотелось как можно скорее закончить всю эту интермедию. До самого дома Елены (минут 30) ехали молча, каждый думал о своем. Вот и улица Ивана Сусанина.

– Не хотела бы я жить на улице имени Ивана Сусанина, – неожиданно сообщила Анжела.

– А на улице Ленина лучше? – спросила Елена. – Сусанин только врагов в дебри заводил... Вот у этого подъезда останови, пожалуйста.

– Да помню я, где ты живешь, – подкатив прямо к дверям, сказал Микис. — Может, тебя проводить?

– Нет. Спасибо. Я сама.

– Я завтра позвоню, и мы обо всем договоримся, – сумел выдавить на прощание Самсонов.

Она только махнула рукой и скрылась за дверью.

– А позвонить и решить все вопросы действительно надо. С ней что-то происходит, и в таком состоянии она может оказаться совершенно непредсказуемой, – проговорила Анжела.

– Уже оказалась. Непредсказуемей не бывает. Чудом просто не убила, – проворчал Самсонов. – А теперь давай рассказывай, что там случилось, или твой Владислав Маркович опять в Испанию улетел?

– И случилось, и улетел. Только проводила – и сразу к тебе, а здесь веселье в полном разгаре. Накаркала твоя Марина: «Придет день расплаты», «Так долго не может продолжаться», «Надо нормально работать», «Сколько можно тусоваться?»...

Когда машина уже отъезжала от подъезда, на первом этаже дома зажегся свет. Анжела подсознательно отметила про себя, что Лена живет на первом этаже в первом подъезде дома, торцом выходящим на дорогу.

– Марину-то хоть оставь в покое. Я уже не виделся с ней месяца два, – устало сказал Самсонов, а про себя подумал, что ему надо срочно предпринять нужные действия, чтобы восстановить ускользающие в никуда отношения с Мариной. Эта женщина ему необходима. Она всегда была одним из тех спасательных кругов, которые появлялись возле него накануне какого-нибудь жуткого катаклизма. Гибель казалась неизбежной, но рядом вовремя появлялся «спасательный круг», и Самсонов оставался на плаву.

– Значит, так... Звонил Викентий. Утверждает, что ты его избегаешь: работы использовал, а денег не заплатил. Сказал, что найдет на тебя управу. Каким-то образом он познакомился с Гниловым. Теперь вместе заваривают против тебя кашу.

– Не обращай внимания. На него периодически накатывает. Он абсолютно зависит от меня, но при этом дико завидует. Кому еще нужен этот алкоголик? Его счастье, что встретил меня и теперь имеет хоть какие-то средства к существованию. Не хочу, чтобы он приезжал в мой дом. Ладно, разберусь с ним. Это не проблема, вернее, не самая большая проблема.

– Разбирайся как можно скорее. Какая-то тревожная ситуация складывается – Викентий, Елена, Гнилов. Это только за один сегодняшний день, а что будет завтра?

– Сама не каркай. Завтра все будет нормально.

Действительно, следующий день прошел как обычно. Анжела уехала часов в 11 или 12, когда он еще спал. Часа в три дня она, правда, позвонила ему и сообщила таинственным голо-

сом, что все очень удачно сложилось, она дала Лене денег и вообще теперь знает, как вывести эту неудачницу за черту жизненного пространства Самсонова, чтобы та больше не устраивала подобных сюрпризов. Микис тогда был очень занят: приехал заказчик из Самары, и он не мог расспросить подробно, о чем именно теперь можно не беспокоиться. Потом закрутился, а вечером они с Гладьевым поехали на презентацию клипа и день рождения модной в этом сезоне попсовой звезды.

Домой вернулся поздно. На следующий день опять заказчики, потом телевизионная группа... Жизнь продолжила свою дистанцию, и Самсонов думать забыл о Лене Макеевой, во всей этой текучке даже не поинтересовавшись, как все-таки Анжела разругала с ней ситуацию. В мозгу осело, что все в порядке, а подробности ему были совершенно не интересны.

Пока Самсонов вместе с неожиданно нагрянувшими милиционерами шел в гостиную, события последних нескольких дней шаровой молнией прокатились по его памяти. Не очень уверенно устраиваясь на диване, блюстители закона с интересом оглядывались вокруг. Когда же капитан раскрыл папку с какими-то записями, Микиса будто током дернуло. Он вспомнил тот давний разговор с Анжелой, порадовавшейся, что она «знает, как вывести Лену за линию его жизненного пространства».

– Боже! Она что, решила это сделать буквально? – Внезапное озарение пронеслось у него в голове. – Адрес ей известен. Неужели у нее хватило ума «заказать» эту несчастную?! Идиотка! Как она могла?

Начнется расследование, копание в грязном белье. Всплывут истории, совсем не предназначенные для чужих глаз и ушей. Пронюхают журналисты – будет скандал, который мне совсем не нужен. ТАКОЙ скандал никому не нужен. Тогда и меня могут заподозрить, и доказывать, что ты не верблюд и никого не убивал...

Холодок ужаса пробежал по спине Микиса, но выражение лица ничем не выдало его тревогу.

Он сел в кресло напротив незваных гостей, всем своим видом демонстрируя готовность помочь следствию.

Его спросили, как давно он знаком с Еленой, какого рода отношения у них были, как часто виделись, для чего она приходила в последний раз?

Эти вопросы Самсонов уже предвидел и спокойно объяснил, что когда-то жил с этой женщиной. По-житейски расстались из-за ее невозможного характера, так как она ревновала ко всему, что движется и не движется. Надо сказать, что Лена всегда была неадекватна и непредсказуема. Около месяца назад ни с того ни с сего свалилась, как снег на голову, с претензиями будто бы только вчера расстались. Видимо, у нее было именно такое ощущение: она даже не заметила, как пролетели десять лет после их расставания. Словом, нашла время и место, чтобы сообщить, что он сломал ей жизнь, что она из-за него навсегда разочаровалась в мужчинах, говорила, что не хочет жить.

Затем у Самсонова, естественно, поинтересовались, где он был с 13 до 14 часов дня.

На что он ответил, что был дома и это может подтвердить его секретарь Ирина. Про себя же подумал, что не помнит, когда она пришла на работу. Она часто опаздывала минут на 15–20, и собственно, в данной ситуации это большой роли не играет.

– А почему она пришла к вам через столько лет?

– Хороший вопрос. Если бы я не знал Елену, у меня бы он тоже возник. Как я уже говорил, она человек очень импульсивный, характер неуравновешенный, взрывной, решения принимает под влиянием минутного настроения, а тут прочитала мою книгу, где упомянута, причем довольно подробно. Я вспоминал о ней очень тепло. Возможно, она решила, что можно вернуть прошлое. Не знаю. Мне трудно понять женскую логику.

– Может быть, она что-то требовала от вас, угрожала?

– Угрожала? Да с чего бы это? Зачем ей мне угрожать?

– Вы же говорите, убитая была совершенно непредсказуема и ревнива, а на почве ревности женщины на многое способны.

– Да нет же, – чувствуя что заходит в тупик, проговорил Самсонов. – Ей просто хотелось сделать мне больно, чтобы я мучился тем, что якобы сломал ей жизнь.

– И всё? – изучающее глядя на Самсонова, спросил капитан.

– И всё, – уверенно ответил Микис.

– Странная женщина, – подытожил Власов.

– Здесь с вами трудно не согласиться, – подтвердил хозяин дома, надеясь, что основные рифы разговора остались позади.

– Скажите, а откуда она узнала ваш адрес. Бывала в этом доме? Вы ведь недавно здесь живете? – начал капитан «подкапывать» под Микиса с другой стороны.

– Вот уж не знаю. Все так быстро произошло. Я не успел спросить.

– А что же помешало?

– Приехала моя подруга, и мы вместе отвезли Елену домой. Она, знаете ли, выпила. Правда, совсем немного, но, видимо, для нее этого оказалось достаточно. Кроме того, ей трудно было бы добираться в позднее время на автобусе. Впрочем, в любом случае я отвез бы ее домой.

– А подругу не Мариной зовут? – испытующе глядя на Самсонова, спросил милиционер. Микис выдержал этот взгляд и сказал:

– Нет, Анжелой.

Внешне он был спокоен, но в душе поднялась самая настоящая паника. Неизвестно, что там с Анжелой? Натворила она что-то или ничего не творила? Откуда они знают про Марину? Как это получается, что в круговорот событий затягиваются все новые и новые люди? Кого еще они могут упомянуть?

– Я не понимаю, а при чем тут какая-то Марина? – не выдержав, спросил Микис.

– Не какая-то, а Плесова Марина Сергеевна. Вы знакомы? – спросил капитан, разглядывая листок бумаги, лежащий перед ним.

– Да, конечно. Мы, правда, давно не виделись, но знакомы много лет. А какое отношение имеет Марина к Елене? – искренне удивился Самсонов.

– Мы еще не общались с Мариной Сергеевной. Но ее номер телефона в числе других нашли в записной книжке убитой.

А на отдельном листке бумаги возле телефона были выписаны номера, по которым она, по всей вероятности, звонила в последнее время. От этого листка оторван клочок, на котором был записан и ваш адрес. Видимо пострадавшая Макеева звонила по вашим знакомым, чтобы узнать его.

– И многим она звонила? – попытался уточнить картину битвы Самсонов.

– Это нам еще предстоит выяснить, – привычной фразой уйдя от ответа, подытожил беседу следователь.

Его молодой коллега, который весь разговор сидел, безучастно уставившись в одну точку, вдруг проявил признаки жизни и, поднявшись с дивана, направился, но не к выходу, а в противоположную сторону, к камину. Там довольно пристально пытался что-то разглядеть на каминной доске, затем присел на корточки и начал шарить на полу. Не успел Самсонов возмутиться бесцеремонностью гостя, как молодой человек поднялся. В руке он держал какой-то маленький предмет.

– Так вы говорите, что Макеева никак вам не угрожала? – спросил он, упаковывая пулю от пистолета Елены в пакетик Самсонов не нашелся, что ответить на это, совершенно недоумевая, как могла пролежать эта несчастная пуля практически на видном месте целый месяц и почему

никто ее не убрал. Неожданная находка затягивала его во всю эту неприятнейшую историю, как в воронку, с такой стремительностью, что ему уже не хватало воздуха.

В этот момент дверь открылась, и в дом вошла секретарь Ирина. Она была несколько удивлена внеурочным появлением посетителей, но восприняла этот приход нарочито спокойно.

– А вот и мой секретарь Ирина Куропятникова, – представил ее Самсонов.

– Капитан Власов, стажер Щепкин, – отрекомендовался капитан.

– Госпожа Куропятникова, не могли бы вы припомнить, где находились вчера в это время? – без всяких объяснений спросил он.

– У меня рабочий день начинается в 13.00, и так же, как сегодня, я была здесь в это время.

– А в какое время вы встретились с господином Самсоновым?

– Ну, возможно, минут через десять. Когда я пришла, он принимал душ. Поскольку на 13.30 была назначена встреча, то к этому времени шеф уже успел привести себя в порядок и позавтракать.

– Понятно, благодарю за помощь, – обращаясь как бы ко всем присутствующим, сказал капитан. Затем, обернувшись к Самсонову, уже у самой двери он продолжил прерванный разговор. – Вы подумайте. Будем надеяться, что сможете вспомнить подробности вашей встречи с Макеевой.

И, пожалуйста, в ближайшее время постарайтесь надолго не отлучаться из города.

– Я что, подозреваемый? – с натянутой улыбкой спросил Самсонов.

– Нет, никто этого не говорил. Просто вы проходите свидетелем по делу об убийстве гражданки Макеевой. Понимаю, это неприятно, но так случилось, что вы виделись с ней накануне ее смерти, и мы надеемся на вашу помощь следствию. Так что, до встречи.

Закрыв дверь за непрошеными гостями и на ходу (чем вызвал ее явное неудовольствие) объяснив секретарю Ире суть происходящих событий, Самсонов решил срочно позвонить Анжеле. Впрочем, нет, сначала Марине. Анжела сейчас еще больше взбудоражит его. Для того чтобы разбираться с этим разрастающимся комом неприятностей, нужен надежный тыл. Именно Марина была человеком, способным обеспечить его. Ее поддержка всегда вселяла в Самсонова уверенность и спокойствие. Однако с чего начать и как построить разговор, Микис не знал. Они действительно давно не общались, и Марина была на него серьезно обижена. Это было не в первый раз. Раньше тоже конфликтовали, как правило, из-за бесконечно сменяющихся увлечений Самсонова. Но Микис по прошествии времени всегда звонил, и она вроде забывала его вероломство и моментально откликалась на просьбу о помощи: то интервью подправить, то написать что-то, то рассказать, как вести себя и что говорить во время телевизионного интервью. Марина была уникальной женщиной и прощала совершенно невозможные вещи, которые мало бы кто мог простить.

Их первый и самый главный конфликт, основательно подорвавший открытость дальнейших отношений, инициировал Гладьев. Впрочем, справедливости ради надо заметить, что Микис тогда не стал сопротивляться и отступать от сценария своего друга. В какой-то момент он и сам стал тяготиться этими отношениями, и его свободолюбивая натура взбунтовалась. Самсонов пошел на поступок, после которого и он и Марина долгое время старательно избегали друг друга.

Отступление на несколько лет назад

Причины непростых взаимоотношений Микиса с Мариной так сразу и не сформулируешь. Ни он, ни она старались не вспоминать неприятные моменты, столкновение самолюбий, неделикатные деяния, на которые Самсонов был мастер.

Но взаимоотношения и обстоятельства жизни – это лишь результат поступков самих люди. От того, с кем живешь, с кем дружишь, кому доверяешь, зависит многое. Влияние происходит на уровне подсознания, но логика действий выстраивается так, а не иначе, вследствие чего в результате происходят различные перемены, изменяются взаимоотношения, окружение, судьба наконец. У Самсонова тоже был не то чтобы режиссер, но во всяком случае некий корректор его судьбы по имени Святослав Гладьев.

Отличительна черта этого человека – эдакая демонстративная нелюбовь к неудачникам. И не потому, что он боялся этого вируса. Ему, признанному мэтру, известному сценаристу, опасаться чего-либо было просто смешно. Он снисходительно презирал тех, кто не был успешен в своей жизни, но при этом не особенно любил и тех, кому везло, как ему казалось, сверх меры.

Сознание того, что он талантлив и удачлив, с годами распрямило спину, дало горделивую осанку и умение высказываться афоризмами, которые другие потом начинали цитировать и воспринимать как мудрые жизненные рецепты.

Он всегда был востребован, как бы ни менялись времена. Общественные катаклизмы начала девяностых выбили из седла многих драматургов, его собратьев по перу. Все так стремительно менялось, что они как-то разом замолчали, не зная, как и что формулировать дальше. Была потеряна система знаков, где должность «младший научный сотрудник» определяла образ жизни до самой смерти. Новую систему невозможно было ни придумать, ни понять.

Святослав не рефлексировал по этому поводу, не ударился в политику, как это сделали многие. Сибарит и бонвиван, он загодя почувствовал нарастающий вал светских тусовок, для пребывания в которых необходимо иметь известное лицо и сиюминутную востребованность. Все это давало только телевидение. И Гладьев двинул туда. Импозантность и острый ум быстро принесли ему славу известного телеведущего и светского льва.

В своих дружеских привязанностях Гладьев был весьма избирателен. Просто так он дружбу не водил. Человек должен был стать полезным ему и подчеркивать его, Гладьева, достоинства, особенно те, что не очень заметны на первый взгляд. Не случайно судьба свела его с модным, преуспевающим художником, обладающим не только способностью находить богатых клиентов, но и возможностью с полувзгляда покорять женские сердца.

Благодаря своей, как считали многие (особенно те, кто не привык лицеизреть святыи лики), иконописной внешности и необычному сочетанию спокойствия со стремительностью, художник Микис Самсонов уже давно снискал себе заслуженную славу московского донжуана. Он, как бы невзначай, поддерживал ее, раздавая бесконечные интервью не только для известных журналов, но и для самых немыслимых изданий, рекламирующих, скажем, ванны и унитазы, эпиляцию и тату-макияж. Главное, чтобы было написано много и проиллюстрировано совместными фотографиями с мировыми знаменитостями и большими портретами его самого, такого красивого, романтического, с загадочным взглядом, скользющим над толпой куда-то в вечность.

В свои неполные пятьдесят лет Микис выглядел очень молодо, и шестидесятилетний Святослав чувствовал себя рядом с ним эдаким, хотя и слегка поседевшим, плейбоем, но энергетически необычайно заряженным молодостью, которая не отступит и продлится еще очень долго. Они часто появлялись вместе на светских тусовках, источая флюиды успеха, славы, покоряя своей стильностью, всю кокетничая с наиболее красивыми и молодыми дамами,

иной раз приглашая их на свой праздник жизни, но очень ненадолго. У друзей было что-то вроде негласной договоренности – никого в свое сердце не пускать. Это и делам мешает, и дружбе не на пользу, и в конце концов, может разрушить устоявшийся уклад жизни, который обоих устраивал.

На самом деле, по большому счету, никакого праздника, конечно, не было. Скорее, суета и иллюзии, которые оба умели создать, что, возможно, и сближало их прежде всего. Вне иллюзий оба были одиноки, хотя имели детей и вроде бы близких женщин, обоих точила душевная усталость. Изнутри согревал только неугасающий огонь честолюбия и тщеславия, но разве разожжешь костер славы без этого огня?!

Помимо обязательных светских тусовок, хотя бы раз в неделю Гладьев с Микисом вместе ужинали. Могли заехать в молодежный клуб «Бункер» на Тверской, а могли поехать в «Ностальжи», дабы подтвердить свою блистательность. Все зависело от настроения.

Это началось четыре года назад. В один из вечеров была запланирована подобная вылазка, и Гладьев названивал Микису по всем телефонам. Дома был включен автоответчик, а по мобильному телефону сообщали, что абонент недоступен.

– Что значит недоступен? Вот договаривайся с таким говнюком. Опять с какой-нибудь задрыгой-журналисткой балаболит, и гори все огнем. Где он только находит этих бездарных баб, бесконечно пишущих о нем.

Пунктуальный Гладьев был раздражен, планы на вечер рушились из-за какого-то мальчишки, возмнившего о себе невесть что.

– Небось в глубине души обижается, что не приглашаю его в свою передачу. А сам или забудет или опоздает, – кипел желчью Святослав. – Или придет и втравит в какую-нибудь глупость, как недавно в прямом эфире на радио.

Услужливая память подбрасывала в топку разгорающейся злости неприятные воспоминания. Впрочем, если откровенно, то в конфликте на радио Микис виноват не был. Шел прямой эфир с каким-то банальным трепом и розыгрышами знакомых. Позвонили Гладьеву, разыграли того, сказав, что Микис заказал столик, оставил девушку за этим столиком, а сам убежал по делам. Хозяин требовал, чтобы Гладьев заплатил 300 баксов и забрал девушку, которая уже плачет. Святославу розыгрыш понравился, и он так расчувствовался, что, подъехав на радиостанцию, решил разыграть своего собрата по перу и соседа по лестничной клетке, известного писателя и автора серьезных телевизионных эссе Мазепова. К сожалению, последний не только не имел чувства юмора, но даже не подозревал о существовании такового. Ситуацию усугубил тот факт, что Мазепов с необычайной серьезностью относился к собственной персоне и на ритуальный вопрос «Как дела?» начинал подробно на него отвечать. И на этот раз он стал рассказывать, какие копейки ему платят на телевидении, какие недоумки и жлобы там его окружают, называя фамилии и должности этих самых жлобов. Как все творческие люди, Мазепов обожал поговорить, абсолютно не интересуясь реакцией собеседника, а тем более его высказываниями. Он сразу узнал Гладьева и, страшно гордый своей проницательностью, не услышал его предупреждения, что разговор идет в прямом эфире. Вслась перемыв кости всему руководству на телевидении, Мазепов наконец осознал, что разговор носит не приватный характер и, обозвав Гладьева подлецом и негодяем, сказал, что больше не хочет его знать. Конфликт удалось замять с большим трудом, однако на следующий день одна из желтых газетенок со смаком поведала произошедшую историю широкой публике. Короче, эта головная боль продолжалась неделю, и организовал ее Гладьеву необязательный и легкомысленный Самсонов, с которым его когда-то свела судьба и сделала их заклятыми друзьями.

Мобильный телефон наконец перестал сообщать о недоступности абонента. На другом конце послышалось самсоновское пресловутое «алле-алле». Не давая вставить слова, он тут же затараторил: «Мой дорогой друг, не мог дозвониться до тебя. Мы в „Пушкине“. Ждем. Приезжай».

Раз «мы» – значит набрал уже целую свору. Ну конечно, он же собирался днем заехать на свою выставку, недавно открывшуюся, чтобы встретиться с легендой русского театра и кино и к тому же своей горячей поклонницей, а там, естественно, все эти его нестерпимые журналистки, писательницы, секретари, предприниматели с грандиозными проектами вечных двигателей. Пополнять эту дивную свиту Гладьев не собирался.

– Да пошел ты... – проникновенно рявкнул он в трубку, которую отшвырнул так, как будто никогда больше не собирался ею пользоваться.

Вечер был испорчен из-за босяцкой необязательности Микиса, точнее, из-за хаоса, который творится у него в голове и в жизни. И все же, как ни странно, но раздражение стало проходить. Что-то импонировало Гладьеву в этом человеке, и он даже мог это «что-то» сформулировать.

Дружеские отношения завязались случайно, но основательно, и произошло это буквально в один день. Много раньше описываемых событий какие-то дела привели Гладьева на Тверскую. Надо было встретиться с режиссером, обсудить направление поисков спонсоров на постановку новой пьесы в одной из антреприз. Разговор вышел пустой, не приведший ни к какому решению. Настроение было подавленное. Все складывалось не так, выплескивалось из рамок устоявшейся жизни и отношений. К тому же жуткий душевный дискомфорт из-за вчерашнего ультиматума Любы, любимой женщины, если конечно Святослав вообще способен на такое чувство, как любовь. После смерти жены, которую Гладьев тяжело переживал, Люба как-то незаметно заняла место близкого человека, но спонтанные встречи перестали ее устраивать, и она поставила вопрос ребром: либо они становятся мужем и женой, либо расстаются.

Это было неожиданным поворотом в их отношениях. Гладьев считал, что именно эта женщина понимает, что он не такой, как другие. Он – Художник, а не какой-нибудь служащий банка и не может связывать себя никакими узами и обязательствами. Она не поняла, что официальная фиксация брака разрушит в нем всякие чувства.

В свое время он уже состоялся как муж.

Теперь все. Он должен быть свободен. Как ни тяжело, но Гладьев выбрал разрыв. Другого и быть не могло. В конце концов, сколько еще таких Люб будет в его жизни и нужно быть распахнутым навстречу потрясающим сюрпризам судьбы. Он не хочет и не будет жениться ради того, чтобы в старости было, у кого стакан воды попросить.

У него этой старости просто не будет, он...

– Приветствую вас, дорогой друг, – неожиданно прервал его размышления какой-то знакомый голос.

Гладьев очнулся, и вяло ответил на приветствие, не замедляя шага. Ему не хотелось вступать в необязательный диалог, надевать узнаваемую маску, но знакомец вдруг отбросил светский барьер ритуального трепя и вдруг сказал:

– Слава, никакие расставания не стоят жизни. Я очень легко прощаюсь с женщинами. Да, в какой-то момент кажется, что земля уходит из-под ног, но надо пережить этот момент и сразу забыть, включившись в абсолютно другую ситуацию.

Действительно, как просто. Удивительно, что стоящий перед ним шапочный знакомый, модный художник, чьи картины и портреты раскупаются за баснословные деньги, оказался таким тонким человеком, вот так на улице ощутившим, какие именно слова нужны сейчас Гладьеву. Как удивительно точно угадал его состояние, а главное – причину.

Микис Самсонов, а это был именно он, продолжал, не останавливаясь:

– Слава, я приглашаю вас к себе в мастерскую. Попьете чаю, посмотрите мои работы. Поговорим... У меня есть кое-какой опыт общения с женщинами. Может быть, что-то вместе и придумаем.

Неожиданно для себя Гладьев охотно принял приглашение, и они направились в мастерскую Самсонова. Идти далеко не пришлось, поскольку встретились они у подъезда дома, в котором она размещалась до переезда в загородный дом на Успенском шоссе.

В тот вечер Святослав почувствовал себя школьником. Он с огромным интересом слушал женские истории Микиса и фиксировал про себя, какой из сюжетов может ему пригодиться. Он никогда не забывал о своей профессии, где рано или поздно сгодится любая история. Потом, правда, он бросил это занятие. Не было никаких историй, никаких сюжетов. Увидел, захотел, получил. Дальше – вопрос времени. С кем-то дольше, с кем-то один раз – и ничего личного. Но какая уверенность в себе.

В более сложных случаях: соблазнить, войти в жизнь, стать необходимым и отойти в сторону, отбиваясь от назойливых притязаний, ничего не понимающих, предварительно сбитых с толку обещаниями и клятвами, дам. Психологическую драму из этого не состряпаешь. Однако какие удобные жизненные приспособления, какое знание женской психологии или, скорее, напротив – полное безразличие к каким-то надуманным женским особенностям, их капризам и переживаниям. Собственно они, женщины, получают то, чего сами хотят, а значит, именно этого и заслуживают.

Как бы то ни было, но судьба протянула Гладьеву руку помощи. Он понял, что в лице Микиса нашел идеального наперсника и компаньона в холостяцком времяпрепровождении. Удобного товарища, понимающего необходимость тонизирующего легкого флирта и, кажется, умеющего деликатно помочь в подчас сложном деле покорения женских сердец. Разумеется, не ради них самих, а только ради самоутверждения и подтверждения своей неординарности, а главное – избранности.

Микис тоже не планировал жениться. В какое-то время это было невозможно, поскольку он был женат и не думал разводиться, несмотря на то, что жена уже много лет жила в Америке. Самсонов был с ней обвенчан, к тому же имел сына и множество обязательств перед семьей, прежде всего финансовых, причем выполнял их неукоснительно. Такое положение дел защищало его от притязаний увлекающихся им женщин, которые скромно уходили в тень, понимая, что у такого, на вид основательного, семейного очага посторонним просто нет места. Когда же бывшая супруга все-таки настояла на разводе, он его особенно не афишировал, а потому последствия этого знаменательного события в его жизни не носили характера стихийного бедствия.

До какого-то момента Гладьев весьма иронично относился к кратким любовным приключениям Микиса. Несмотря на то что в глубине души он завидовал успеху у женщин и материальному достатку своего более молодого друга, его успокаивало, что все музы дорогого художника были, мягко говоря, странноваты. Микис тяготел к пышнотелым обладательницам рубенсовских форм постбальзаковского возраста, да еще и непременно маргинальных, во всяком случае по происхождению и воспитанию, но в результате жизненных катаклизмов, добившихся немалых успехов в бизнесе. Гладьеву бы и в голову не пришло хотя бы на миг очароваться бывшей буфетчицей еще советской государственной структуры, приторговывающей алмазами. В новые времена эта предприимчивая особа преобразилась во владелицу магазина модной одежды на Тверской и настолько преуспела в бизнесе, что на старости лет смогла запеть про первую любовь и даже записала несколько дисков. Гладьеву было смешно наблюдать, как эта тучная и безвкусно одетая дама повисала на Микисе, когда они встречались на светских тусовках, и висела на нем, как переспелая груша, до самого его ухода, а потом добивала художника по мобильному телефону, приглашая приватно продолжить вечер. Такой моветон был не для Гладьева. Его привлекали молодые, стройные, слетающиеся на Микиса как мухи на липучку и... достававшиеся Святославу.

Он пропустил момент, когда среди парикмахерш, перезрелых журналисток и артисток, увековечивающих свои интимные отношения с маэстро фотографиями в обнаженном виде

для каких-то желтых газетенок и журнальчиков, среди солидных замужних матрон, чиновниц и бизнес-дам разного калибра появилась Марина. Оказалось, что Микис знаком с ней уже полгода, но в разговорах с Гладьевым о новой знакомой даже не упоминал.

Необъяснимое чувство тоски и беспокойства охватило Гладьева, когда вместе с Микисом он пришел на один из престижных светских приемов по случаю Нового года и там неожиданно столкнулся с Мариной. Самсонов с напускным безразличием представил их друг другу. Достаточно стройная и моложавая женщина, в возрасте от тридцати до сорока лет, производила приятное впечатление воспитанной особы. Родилась в известной семье и замужем была за высокопоставленным человеком. Это объясняло ее хорошие манеры, умение вовремя промолчать, умение внимательно слушать и слышать собеседника, ее доброжелательность и спокойную реакцию на чужой конфуз. Разговорившись с ней, Гладьев понял, что она хорошо образованна и умна. Все это было неожиданно. В окружении Микиса такие женщины не встречались, а если и появлялись случайно, то надолго не задерживались. Марина была из другой жизни, другого круга общения. В ней остро чувствовалась порода, и в своей породе она обладала редкой мастью.

Гладьев не стал ничего расспрашивать в этот вечер, но на другой день, когда они общались по телефону, все же спросил у Микиса, мол, кто да что?

– Соседка моя, живет в соседнем подъезде. Художник, искусствовед. Пишет для моих альбомов вступительные статьи. Работает экспертом в самом большом антикварном салоне Москвы, при этом публикуется во многих журналах, – неохотно сообщил Самсонов и под конец добавил. – Она подруга детства Макса Петракова. Росли вместе. Были соседями по даче.

Вот оно что! Вот и объяснение тоски и беспокойства. Опять этот Петраков. Когда-то они были с Гладьевым друзьями. Более того, Святослав состоялся как драматург и сценарист именно благодаря Петракову, известному режиссеру и давно признанному мэтру. Гладьев много писал, пьесы ставили во многих театрах, но чего-то в них не хватало, тонкости, что ли, не доставало, вкуса, глубины. И вдруг его сценарий выбирает сам Петраков. После их совместной картины признание нашло Святослава.

Тогда он был необычайно горд собой. Парень из глубокой провинции, с голодного хутора своим умом, своим талантом добился славы, встал на одну доску со знаменитым уже в пятом поколении Петраковым, которому небеса дали все: талант, внешность, происхождение. В глубине души, как и многие в кинематографическом мире, Гладьев считал, что если бы у него был такой старт, то уж он бы добился еще большего. К сожалению, жизнь так несправедливо устроена, что одному надо биться из последних сил, а другой получает от жизни все и еще ему бесконечно везет. Зависть разрывала драматурга на части, хотя он не признавался в этом даже самому себе.

Однако глубоко в подкорке накапливалось жуткое раздражение.

А потом у Святослава умерла мать. Как же она гордилась сыном, его творческой дружбой с Петраковым! Как была счастлива, когда Макс навестил ее, больную, говорил добрые слова. Она умерла через несколько дней после его визита, и Гладьев очень тяжело переживал ее уход. Три дня после похорон он не выходил из дома, а потом все же решил раствориться в толпе. Побродил по городу и как-то незаметно для себя пришел в Дом кино. Прямо на лестнице на него лавиной обрушился Петраков, искрящийся жизнелюбием и благополучием. Со своим неизменным: «Старик, пойдем, выпьем. У нас там большая компания», – он потащил Гладьева в ресторан.

– У меня мама умерла.

Но, казалось, Петраков не расслышал сказанное, и Святослав вновь повторил свою фразу.

– Я все прекрасно слышу и очень соболезную тебе. Но жизнь продолжается, и тебе в нее надо возвращаться. Идем, мы должны отметить нашу общую премьеру.

Обида и раздражение, накопленные годами, ударили Гладьева в голову. Конечно, если бы умер кто-то из семьи Петраковых, так в стране уже объявили бы национальный траур, а тут умерла какая-то хуторянка, неграмотная женщина, которая и скорби, оказывается, не стоит. Он пошел вслед за Петраковым, подошел к столу, где сидела шумная и веселая компания, взял бокал и, когда все замолкли, мрачно сказал:

– У меня был друг. Я так считал. Сегодня я понял, что ошибался. – Выпил все до дна, не почувствовав даже вкуса напитка, поставил бокал и при полной тишине вышел из зала.

Обалдевший Петраков кинулся за ним.

– Слава, ты все по-дурацки понял, постой...

Но Гладьев, переполненный чувством морального превосходства, уже выходил из подъезда Дома кино. В чем провинились перед ним Петраков и все эти люди, он не мог объяснить. Ведь сам же пришел сюда, в одно из немногих мест Москвы того времени, где можно расслабиться, всласть наобщаться сразу со многими знакомыми, выпить наконец. Нет, он не хотел забыться в этом круговороте, ему хотелось, чтобы все выпали из заданного ритма своей жизни и с головой окунулись в его скорбь. Так не случилось, и самолюбие Гладьева было уязвлено. Он слишком серьезно относился к своей персоне, чтобы стерпеть и забыть такое невнимание.

После случившегося с Петраковым они не разговаривали 17 лет. Со временем общие дела и проекты опять свели их. Но это было общение вожаков разных стай, живущих по разным законам, но уважающих силу друг друга.

Для вожака Гладьева Мика Самсонов был как Маугли – эдакий большой ребенок, обласканный успехом и хранимый небесами, при крепкой деловой хватке, сбивающий с ног своей наглой стеснительностью. Благодаря этому качеству Микис обладал редким талантом общения. Он легко заводил знакомства и старался их поддерживать, раздаривая свои постоянно выходящие альбомы и календари с дарственными надписями. Общаясь, находил все новых и новых спонсоров для издания будущих альбомов, чтобы потом опять дарить их потенциальным клиентам и новым спонсорам.

Как-то, еще в самом начале его карьеры, Самсонова на одном из кинофестивалей представили Петракову. Тот был очень доброжелателен, обменявшись светскими любезностями, в ответ на приглашение Микиса посмотреть картины в мастерской в свою очередь пригласил зайти к себе в офис. На следующий день Самсонов прямиком в этот офис и отправился. Готовился к печати его первый альбом, и один из известнейших художников посоветовал поместить в него отзывы авторитетных людей страны.

Художника любезно приняли, выслушали просьбу, забрали слайды, и уже на следующий день помощник Максима Игнатьевича Петракова сообщил Самсонову, что он может прийти за готовым отзывом. Такая оперативность явно свидетельствовала о том, что Петраков оценил несомненный талант молодого художника и готов его поддерживать. Что и говорить, Петракова, очевидно, покорила незатейливость и прямолинейность поступков пока еще неизвестного художника, без всяких экивоков и полутонов. Пригласили зайти – он и пришел.

Микис испытывал несомненное чувство признательности к Петракову. Внутренне всегда очень робел в его присутствии, чувствуя себя мальчишкой рядом с мудрецом. Юношеский кураж прошел, и он ужасно боялся сказать в присутствии Максима Игнатьевича какую-нибудь глупость. Понятное чувство, если во взрослом состоянии не компенсировал недостаток образования и воспитания, потому что пропустил множество этапов в детстве и юности. Честно говоря, на самосовершенствование времени просто не оставалось. Светские тусовки – такая же тяжелая работа, как и любая другая, если ею заниматься изо дня в день, поддерживая шапочные знакомства, выискивая богатых клиентов.

Поэтому-то серьезные беседы на любые темы Микиса напрягали, и он радовался, когда подобные испытания заканчивались. Не было в нем природного любопытства и интереса к

какому-либо творческому продукту, кроме своего собственного. Приятной беседа становилась только тогда, когда речь шла о нем самом.

С Гладьевым Микис почему-то не чувствовал себя неуверенно. Наверное, потому что для обоих беспечное времяпрепровождение без умных разговоров, сдобренное легким флиртом, было любимейшим занятием, так тонизирующим самоощущение.

Поначалу резкие отзывы Святослава о Максиме Игнатьевиче Микиса немного коробили. У него всегда была внутренняя установка – не говорить плохо об именитых людях. Он считал, что если человек нашел в себе силы сделать себе имя, то одно это достойно уважения. Видимо поэтому Микис часто попадал под влияние известных людей. Не всех, но Гладьева он считал мэтром, написавшим лучшие сценарии культовых фильмов, несомненно, умным человеком. В его устах развенчание Петракова звучало очень убедительно, ведь Святослав знал на какие клавиши давить. Он часто повторял:

– Да что ты так лебезишь перед этим павлином? Ты – известный дорогой художник, и всего ты добился сам. У тебя не было никаких подпорок, тебя не подстраховывали ни папа, ни дедушка. Настоящая гордость нации – такие как мы, из провинции, без роду, без племени, сами по себе. Самородки всегда крупнее и ценнее.

В конце концов установка Гладьева сработала, и Микис внутренне начал с ней соглашаться. Разве не правда, что уже давно он – не просто какой-нибудь провинциальный выскочка, а известный художник, даже член какой-то академии. Его именем названа звезда, да и титул князя, как ни иронизируй по этому поводу, не каждому встречному дают. Пожалуй, прав Гладьев: Микис и Петраков сравнялись.

Наш дорогой художник тут же расслабился, стал раздавать направо и налево интервью, в которых непременно, хотя бы косвенно, покусывал Петракова. Правда, поначалу имени не упоминал, однако позднее вошел во вкус, повсюду рассказывая немыслимые истории, где неизменно присутствовал Петраков, представленный в каком-то бледном свете. То на банкете Максима Игнатьевича не заметили, то попал он на один из банкетов только благодаря Микису, а так сидеть бы ему, сироте, одиноко в гостиничном номере далекой восточной страны и смотреть по телевизору какие почести воздаются его более молодому и более удачливому соотечественнику.

Как и следовало ожидать, отношения Микиса с Петраковым, мягко говоря, испортились. Известный режиссер просто перестал замечать художника, при встречах равнодушно скользил по нему взглядом и отходил в другую сторону. Микис забеспокоился: понимал, что его занесло, и теперь он выглядит как неблагодарная свинья. Однако Гладьев поддерживал его линию поведения, утверждая, что волкам время от времени надо показывать зубы. Это было не в характере Самсонова, но авторитет мэтра как-то успокаивал его.

Так бы все и продолжалось, но неожиданно для Гладьева в жизни Микиса появилась Марина. То, что благодаря ей у Самсонова с Петраковым могли бы наладиться отношения, стало безмерно раздражать нашего драматурга. Настораживало, что он не сразу узнал о появлении этой дамы и, возможно, уже пропустил кое-какие события, что, впрочем, было недалеко от истины. Недавно Микис получил приглашение на день рождения Ольги, жены Петракова, подарил ей ее портрет, кажется, был прощен и чувствовал себя от этого необычайно хорошо.

Святослав подозревал, что именно из-за Марины стали срываться, ставшие уже традиционными ужины с Микисом, что в это время он бывал где-то именно с ней. Значит, посещал и ее друзей, то есть, входил в круг, столь нелюбимый Гладьевым. Надо было что-то срочно придумать, и случай не замедлил представиться.

Марина – женщина на редкость доброжелательная и тонкая – при мимолетных встречах с Гладьевым чувствовала, что чем-то раздражает этого человека, что он относится к ней очень настороженно. Марина любила душевный комфорт, любила друзей и друзей своих друзей тоже. К тому же ей все больше нравился Микис, который все настойчивее входил в ее жизнь, чему

она не могла не порадоваться. Ей захотелось разрушить стену неприязни, постоянно возводимую Гладьевым, и Марина решила устроить ужин для друзей Самсонова. Со всеми она была знакома, и они уже бывали в ее доме, кроме Гладьева, конечно, но ради него все и затевалось.

Жилище Марины разительно отличалось от многих современных квартир, напоминающих, скорее, своим «уютом» офисы. Здесь же были настоящий камин, подлинные картины, графика, фотографии замечательных людей, старинная мебель, лампы в стиле модерн – все создавало атмосферу накопленных из поколения в поколение и бережно хранимых семейных традиций, уважения к корням. Все говорило о художественных пристрастиях и прекрасном вкусе хозяйки. В центре гостиной стоял длинный стол с зажженными свечами, очень красиво сервированный и обильно заставленный чем-то очень вкусным. Чувствовалось, что Марина старалась придумать не совсем обычное, сделать гостям приятное и, конечно, произвести хорошее впечатление.

Уже все собрались. Пришел давний друг Микиса Петя Шапошников со своей бывшей женой и двенадцатилетним сыном.

Несмотря на то что у него уже давно была новая жена и маленький сынишка, с прежней семьей он поддерживал добрые отношения, встречаясь по выходным дням. Пришла и Саша Алябьева, журналистка, в то время уже начавшая писать с Самсоновым книгу о его жизни, и Маринины друзья Николаевы. Собрались ровно в семь, не опоздал, как ни странно, и сам Микис.

Ждали только маэстро, который, как положено, задержался, – проверенный способ обратить на себя внимание. Как всегда избитый прием сработал. Гладьева стали усиленно угощать, хозяйка засуетилась. Когда все успокоились, Марина спохватилась, что совсем забыла о приготовленном сюрпризе. Старая традиция, придуманная еще ее родителями, – закладывать в печеное не какие-нибудь бумажки с пожеланиями, а колечки, кулончики, означавшие «Счастье», «Удачу», «Любовь», «Богатство». Марина удивляла сегодня грузинской кухней, и сюрпризы надо было искать в хачапури. Все оживленно расхватили кусочки, сулившие подтверждение собственной удачливости.

– Было бы хорошо, если бы что-то досталось Гладьеву, – загадала Марина. Но вскоре выяснилось, что почти все сюрпризы осели в семействе Шапошниковых.

– Надо же, и здесь он преуспел, – подумал Микис и как-то по детски расстроился, что ему ничего не досталось.

Гладьева тоже царапнуло, что удача публично его проигнорировала. Вот Шапошникову даже в шутку не обошла: ему досталось «Богатство». Да он за что ни возьмется – все превращается в золото. Самый модный архитектор, начал издавать журнал – отзывы наилучшие, магазин открыл – опять высший класс. Мало ему «Богатства», так его бывшей жене выпала «Удача», а малышу «Любовь». Только «Счастье» досталось семье Николаевых.

Все стали живо обсуждать небывалое везение Шапошниковых. Расспрашивать о новом магазине мужской одежды бизнес-класса, хвалить его журнал. Пока Петя рассказывал историю одного банкира, который заказал Микису картину для своего кабинета, а потом решил заплатить лишь половину обговоренной суммы, Марина лихорадочно соображала, как бы все-таки уравновесить ситуацию, чтобы всем сестрам досталось по серьгам удачи. Ну конечно! Серьги! Она заспешила на кухню, прихватив в прихожей лежавшие там сережки, быстро вымыла их и по одной заложила в приготовленный десерт – горку эклеров. Когда она зашла в гостиную с блюдом, Петя Шапошников как раз завершал свое повествование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.